

Р I 1133917

Уроклий
Обишце

Срѣхи

Издательство
«Заря Востока»

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

С Т И Х И

Перевод с грузинского

Издательство „Заря Востока“

Тбилиси — 1944 г.

Редактор *Б. Женти*

Подписано к печати 8 декабря 1941 г.

Объем 27½ печ. листа

В 1 печ. листе 20952 тип. знака.

Заказ № 2507

Тираж 5000

УЭ00912

Типография им. А. Ф. Мусникова издательства „Заря Востока“
Тбилиси, пр. Ру斯塔вели, 36.

ПОЭТАМ РОДИНЫ

Отчизна мать, земля свободы нашей,
Что струны вольные сплела в моей груди,
Чье изобилие берем мы полной чашей,
Чье ясно солнце, веселы дожди;
Ты, к чьей груди мы приникали жадно,
Чей дух, поэт, благословил тебя,
И мы нашли свой путь в работе страдной
Рожденье человека июлюбя;
В столетьях гроз не давшая изведать
Нам муки яда, смертного вина,—
Благоуханием садов стоцветных
От века мысль ее напосна;
Ее твердыни каменной—угроза,
Ее заводы—в пламени труда,
Открытый дом цветущего колхоза,
Для вражьих сил замкнутый навсегда;
Вся даль бескрайная ее пространства,
Бесчисленность отважных, вольных рук,

Слов мудреца оплот и постоянство,
Самой поэзии призывный звук—
Все поднялось на смертный бой с врагами
И с армией слилось в один порыв,
Чтоб гнев и месть, вскормленные годами,
Излить свинцом на вражеский прорыв.
Идет народов грозная лавина,
И слышен братской переключки гул.
Гремит на западе Павло Тычина
И в Казахстане пламенный Джамбул.
Поэты, братья! Родины любимой
Поющие и радость, и печаль!
Клинок отточенных, неумолимых,
Стократ в веках испытанная сталь!
Ударь, срази, разбей орду нечистых!
Пусть знает враг, как в мести мы сильны.
Сомкнем ряды как встарь, как в день
лучистый
На всенародном празднике страны.
Нас родина для лучших дней взрастила,
Свобода, вольность, мир—ее оплот;
Но знаем мы, как против вражьей силы
Направить штык и огненный полет.

Пусть враг змеиные к нам ищет ходы—
Могила черная—его удел.
Не осквернит он золотые всходы,
Живое вдохновенье наших дел.
Сыны побед, не в первый раз стоим мы
Лицом к лицу с погибельным врагом,
Мы, дети Грузии неустрашимой,
Сыновнее—отчизне отдаем.
Мы кровью отстоим ее законы,
Ее простор, оплот и берега.
Великий Сталин двинул легионы
За человечество—на смертного врага.

1941 г.

СЛАВА РОДИНЫ—НАША СЛАВА

Провозглашаем жизни здравицу,
Хвала и смерти за отечество.
Жив славой Грузии—красавицы
Сраженный в битве с вражьей нечистью.

Издравле путь грузин—борение,
Мощь исполина в горных недрах.

Мы знали горе и гонения,
Но нас не звал рабами недруг.

Был залит мир слезами отчими,
И кровь бежала с гор в долину.
Казалось, все мечи отточены,
Чтоб насмерть грудь пронзить грузину.

Но не убита песнь сердечная,
Самцхе и Вардзия все живы,
Вновь колыбель святую, вечную
Качает мать неторопливо.

Дно не истерлось колыбельное,
На нем узорами — кинжалы.
И ныне силой беспредельною
Грузинский меч разит шакала.

Провозглашаю жизни здравицу,
Хвала и смерти за отечество.
Отчизны славою прославится
Сраженный в битве с вражьей нечистью.

1943 г.

БАЛЛАДА О РАНЕНОМ ГРУЗИНЕ

Трех разведчиков я встретил,
Вражеских солдат,
И у каждого приметил
Черный автомат.

И у каждого солдата
Черный шлем стальной,
И у каждого граната
Гуще тьмы ночной.
Снаряжен и я богато
Был моей страной.

За холмом я полз вдоль луга,
Полз лесной тропой,
Мы увидели друг друга
И вступили в бой.

Три разведчика стреляли,
Вторил я им в лад,
Помню шлем из черной стали,
Ветер и закат.
Руки трепетно сжимали
Верный автомат.

Вереска не раздвигая,
Целился я в лоб,
И один из черной стаи
Пал ничком, как сноп.

Два фашиста стали злее
В яростном бою,
Поворачивают шеи
В сторону мою,
Я на страже и злодеям
Спуску не даю.

Снайпер не стреляет мимо,
Враг второй упал,
Ствол ружья, как лик любимый,
Я поцеловал.

Третий враг в кустах скрывался,
Взору невидим.
Он никак не поддавался
Выстрелам моим.
И над лесом расстился
В кольцах черный дым.

Враг все время укрывался
За густой листвой
И, казалось, забавлялся
Страшною игрой.

Выстрел. Застлан взор туманом.
Стало вдруг темней,
Выпал автомат неожиданно
Из руки моей.
Кровь текла из свежей раны,
Как лесной ручей.

Ах, растаял в лазарете
Мой покой, как дым:
Как ушел разведчик третий
От меня живым?

С ним в Полтаве ль, в Таганроге,
На берегах Десны,
У Смоленской ли дороги
Естретиться должны.

Отпустите, отпустите
В бой меня скорей,
Иль порвутся жизни нити
И до бранных дней.

1943 г.

КЛЯТВА РОДИНЕ

Пой о Лурсманишвили,
Грузия милая, пой!
Пятерых братьев убили,
Клятву дает шестой:

— Либо погибну я, либо
Так отомщу я врагам,
Чтоб никогда не смогли бы
Рыскать по нашим горам!..

Встретил врагов он в предгорьях.
Лютый огонь, — он стоит.
Стужа его не поборет, —
Крепок он, тверд, как гранит.

Падают полчища немцев,
Лурсманишвили их бьет,—
И пятьдесят чужеземцев
Пали у наших ворот.

Пятерых братьев убили...
Выполнил клятву шестой.
Пой же о Лурсманишвили,
Грузия милая, пой!

1942 г.

ПАРТИЗАНЫ

Оживают давние мечтанья,
Грезы ранней юности моей,—
Вскинув сабли, как зари сиянье,
Партизаны мчатся среди полей.

Каждый—тигр, к опасностям готовый,
Каждый к смелым подвигам привык—
И узбек, и парень из - под Пскова,
И грузин, и друг степей калмык.

Враг боится их увидеть даже,
А не то что встретиться в бою.
Часовых сегодня спящих свяжут,
Завтра поезд в щелы разобьют.

А вчера они грозой неожиданной
Пронеслись, когда погас закат, —
За лесной зеленою поляной
Окружили вражеский отряд.

Забросали бомбами идущих,
Волчьи ямы тайно припасли,
Возгласом, победным и могучим,
Вражьи орды в ужас привели.

Каждый — тигр, к опасностям готовый
Каждый к смелым подвигам привык —
И узбек, и парень из-под Пскова,
И грузин, и друг степей калмык.

Прячет их простор степей душистых,
Прячет их лесной ветвистый свод...
Братья! Бейте яростно фашистов,
Партизаны, вас победа ждет!

1941 г.

ДЕТИ

Еще по ветру сажа пролетала
И тлела неостывшая зола.
Лежали груды мертвого металла
У черного, сожженного села.

Как будто хаты снесены потоком.
Как будто горный здесь прошел обвал.
В молчании, зловещем и глубоком,
Стервятник сбитый на снегу лежал.

И только дети, горя не прощая,
Как серны, осторожны и дики,
Стояли рядом, детство забывая,
Озябшие сжимая кулачки.

1942 г.

АЛЕКСАНДР КЕРЕСЕЛИДЗЕ

Крымский фронт. Окопов близость.
Поле брани. Лют мороз.
Санитар Кереселидзе
С поля раненого нес.

В каждом раненом герое
Он собрата находил.
Нес, за друга беспокоясь,
Будто сам он ранен был.
Вынес брата с поля битвы,
От врага ушел опять.
Ищет места, где б укрыться,
Чтоб бойца перевязать.
Впереди скала над морем.
Моря бурные валы,
Пенясь в гневе на просторе,
Бьют в расщелины скалы.
Санитар спешит на берег.
Он измучен. Он без сил.
Перед ним в скале пещера.
Кто-то вышел, поманил.
Битвы гром гремит поодаль.
Слышно ржание коней.
Санитар в пещеру входит,
Ждет—друзей он встретит в ней.
Мог ли знать, что встретит немцев?
Впереди блеснуло вдруг—

И четыре чужеземца,
Вскинув шашки, встали в круг.
Лагерь что-ли здесь проклятых?
Суждено-ль быть взятым в плен?
Видит он бойцов десятков
Под охраною у стен.
— Родились мы для того ли,
Чтоб конец принять такой?
Чтобы выйти из неволи,
Смело вступим, братья, в бой!
— Каждый сердцем будь отважен!
Враг нагрянул — бей его!
Десять вас бойцов, а стража —
Немцев четверо всего.
— Коль разбить врага не сможем,
Ждет позор нас впереди.
Нет оружия? Ну, что же, —
Воля есть зато в груди!..
И бойцы, сверкнув глазами,
Гордо молвили в ответ:
— Мы готовы! Между нами
Малодушных, слабых нет!..

Санитар, взмахнув рукою,
Барс, прилив почуя сил,
С криком:—В бой, сыны героев!—
Немца первого схватил.
Горло немца сжал в ладони,
Повалил его—и вот
Хрип пятнадцати и стоны
Огласили мрачный свод.
Бой вдали, как гул прибоя,
Грома гневного удар.
А в пещере смертным боем
Бился храбрый санитар.
И когда концом достойным
Был увенчан жаркий бой,
Все одиннадцать спокойно
Из пещеры вышли той.

1942 г.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Всякий раз, когда ты вспомнишь
Домик свой и дворик ладный,

Бей врага ожесточенней,
Мститель грозный, беспощадный.

Всякий раз, когда ты вспомнишь
Уголок родной, прелестный,
Тем скорее пусть погибнет
Гад, противник твой бесчестный.

Ждут тебя с победной славой
Нива, луг и сад с плодами,
И лоза твоя, как парень
С молодецкими усами.

Женка славная, детишки,
У камина мать старушка,
А за домом, словно косы
Красной девицы, речушка.

Загоняй врага, как зверя,
Мститель грозный, беспощадный!
Ждут тебя с победной славой
Домик твой и дворик ладный.

1943 г.

КАПИТАН БУХАИДЗЕ

Я грузин Бухайдзе. Повержен
Вражьей пулей в Кавказских горах.
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, —
Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.
Слушай мерный мой голос, прохожий,
И грузинским холмам передай,
Что без страха и скорби я умер
За родимый возлюбленный край,
Что нещадно разил супостатов, —
Поплатились они головой.
Я не умер. Бессленно на страже
Я отчизны своей часовой.
Завещаю отныне грузинам:
Стойте непоколебимее скал,
Не страшитесь ни боли, ни смерти,
Защищая Дербент и Дарьял.

1942 г.

ТЫ ЕЩЕ ЖИВИ!

Фриц любит бой вороватый в зените
И хвастовство без границ.
Бомбой подбит, на своем мессершмитте
В море низринулся Фриц.

Но—две руки есть у Фрица в запасе,
Плавает с легкостью он
И, ускользнув от пылающей массы,
Вьется змеей среди волн.

„Выберусь, выберусь“. День нынче
светел,
Берега скаты видны.
„Выберусь“. Но оглушающий встретил
Рев черноморской волны.

„Каин, ко мне ли ты рвался, убийца?
Здесь ты могилу найдешь.
Вниз, в преисподню!“ И, хлынув на
Фрица,
В смертную бросила дрожь.

„Вниз, в преисподню!“ Взметнула над морем
И опрокинула ниц.

Но, изворотлив в погибельном споре,
Снова над волнами Фриц.

Лег и стремится змеиною плавью.

Снова — грозою бoлна:

„Ты еще жив? Но идешь ты к бесславию,
Вниз, в преисподню, до дна!“

Дальше, все дальше... Усилья напрасны...

Пеной и гнебом вскипев:

„Ты еще жив? День над берегом ясный
Вновь не увидеть тебе“.

Хлынула к телу в неистовом бое,

Вынесла трупом на скат.

„Каин, и дно возроптало морское,
Шлет тебя в гневe назад!“

* * *

Фриц был закован в броню мессершмитта
Нет и доски гробовой.

В небе любил возвышаться открытом,
Пал он на берег морской.

1942 г.

БОЙЦАМ ГРУЗИИ

Грузин, тебе ль не быть героем?
Ты слышишь матери наказ?
Ты видишь — горы тесным строем
Стоят и требуют от нас:
„У врат Кавказа преградите
Убийцам путь. Не отступать!
Нето вы смерти предадите
Своих детей, жену и мать!“
Так, молнией разрезав тучи,
Убей врага! Пусть гибнет он!
И ты спасешь Кавказа кручи,
Зеленый Мтацминда склон.
Заветы предков нерушимы —
Вот здесь последняя черта.
Грузин, ты — щит страны любимой,
Кавказа охраняй врата!
Отчизна труса ненавидит,
Героя — слава ждет в бою...
Глаза мои да не увидят
Врага в моем родном краю!..

1942 г.

ГЕРОЯМ СЕВАСТОПОЛЯ

Всеми мыслями сегодня,
Всеми чувствами мы с вами,
Дорогие наши братья!
Каждый с вами сердцем слит.
Севастополь, о котором
Воспеваем мы стихами,
Как скала, стоит у моря,
Монолитный, как гранит.

Никогда он не согнется
Перед вражеской пятою,
Враг найдет конец у крепких
Севастопольских ворот.
Героическая доблесть
Севастопольских героев
В глубь веков, в тысячелетья,
Как легенда, перейдет!

Дети Грузии счастливой—
Ваши сестры, ваши братья,
Вся природа наша,—нивы,
Горы снежные кругом,—

Все сегодня вместе с вами,
Простирают к нам объ'ятия
И выковывают грозный
Меч победы над врагом!

Вдохновленные героизмом
Вашим там, на поле брани,
Мы из Грузии цветущей
Шлем привет горячий сзой
Вам, защитникам отчизны,
В этом маленьком посланьи,
Переполненном бескрайно
Чувств великих полнотой.

1912 г.

СЛАВА БОЙЦАМ, ВЫШЕДШИМ НА ГРАНИЦУ!

Мы на границе! По ротам, по взводам
Весть эта быстро, как вихрь, разнеслась.
Мне оседлать бы коня-скорохода,
Чтобы победой обрадовать вас!

Слава бойцам, что у этой границы
Пали геройски три года назад, —

Солнце, увы, не осветит их лица
И не заглянет с улыбкой в глаза!

Слава стоявшим на страже Отчизны
В дождь, в непогоду, и в стужу и в зной,
Тем, кто своею пожертвовал жизнью,
Но не покинул границы родной!

Тем, кто скорбел о страданиях народа,
Жажду отмищения всердце храня,
Тем, кто в боях, с нетерпеньем три года
Ждал наступления этого дня!

Тем, кто в часы испытаний о долге
Перед страной родной не забыл, —
Встал монолитной стеною у Волги,
Грудью ворота Дербента закрыл!

Слава тому, кто походкою львиной
Двинулся, ордам врага напролом,
Мост через Дон, через Днепр перекинул
С немцем бои завязал за Днестром.

Слава тому, кто в сраженьях громовых
Нашу родную страну защищал

И у границы Отечества снова
Грудью своей богатырскою встал!

Слава бойцам, что у этой границы
Пали геройски три года назад,
Слава и тем, кто с восторгом на лицах
Полчища вражьи сегодня громят!

1944 г.

ВОЖДЬ НА МТАЦМИНДЕ

Я слышу шелест и колыханье,
Как будто иней спустился в травы.
Они подобны тому дыханью,
Что знает город наш величавый.

С мечтой Тбилиси соединенный,
Уходит ветер — ночная прелесть.
И вновь приходит он в город сонный,
Чуть различимый прохладный шелест.

Иль это дует с Мтацминды ветер,
Иль нам прохладу несет Коджоры?

Здесь над горою вождя я встретил,
Он видит город, рассвет и горы.

Такой, как всюду, непоколебимый,
Он над Тбилиси стоит высоко.
Играет востер чуть различимый
Полой шинели его широкой.

Шинель надета в боях, в метели,
В огне и в буре она надета.
Играет ветер полой шинели.
Я слышу шелест поры рассвета.

Чтоб все в Тбилиси ему внимали,
Лелея в сердце родное имя,
Спокойно жили и чутко спали —
Вождем великим всегда хранимы.

Пойду на гору, где солнце всходит.
Померкли звезды. Молчит природа.
Так в Кремль великий к вождю приходят
Сыны отваги, сыны народа.

Постигнув счастье, они, как дети,
Идут простором родного края,

Улыбкой светлой наш вождь их встретит,
Огнем прекрасным воспламеняя.

Пред ним сегодня сверкают горы.
Стоит он строго, как страж бессонный.
Вождем согретый, сверкает город,
Счастливым солнцем озолоченный.

Чуть слышный шелест летит порою,
Прозрачный ветер его основа.
И замирает он за горою,
Чтоб в славный город вернуться снова.

1938 г.

ПОРТРЕТ РУСТАВЕЛИ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ

То был Шота...

Восторг забил ключом,
Счастливых слез в глазах алмазы
засверкали:

Вошел картвел великий в этот дом
И у колонны стал в залитом светом зале.

Как некий путник, странствуя в веках,
Он подошел к дверям Советов, светел.
Все ту же книгу держит он в руках, —
Сокровище, живущее в столетьях.

Все те же тигры. Та же красота.
Пергамент тот нетронутый, старинный...
Так в наши дни приходит вновь Шота
Со скромностью и мужеством грузина.

— Я издалека прибыл, — он сказал, —
Я бесконечные преодолел гоненья.
Огонь любви меня при жизни опалял,
А после смерти жег костер мой творенья.

Шли годы так... У очага грузин
Он в песне жил у каждой колыбели.
Среди певцов всегда блестел один,
Как солнце средь светил, бессмертный
Руставели.

Гонений меч поэта не сразил,
Бессильны были козни мракобесья.

Тогда он с двух сторон закован морем был,
А с третьей — гор хребтом, ушедшим в
поднебесье.

Как Автандил, он, странствуя в всках,
Искал великую и родственную душу.
И встретил он того, кто поднял алый стяг,
Кто для него открыл врата морей и суши.

С огнем любви, как в прошлые года,
Он подошел теперь к дверям Страны
Советов.

То был Шота.

Народам снова дал
Великий вождь великого поэта.

1935 г.

Л. П. Б Е Р И Я

(К двадцатилетию Октября)

Я на стихи не надеюсь свои,
Славит народ тебя громче и лучше.
Пусть они будут лишь знаком любви,
Сталинской партии ратник могучий!

К славным годам прибавляется год,
Двадцать годов—как гранитные стены
Будь долголетен! Ты любишь народ,
Мы же душою к тебе неизменны.

Что мои сверстники знали в былом?
Пройденный путь наш был пяди не
шире,
Только семнадцатый год целиком
Смыслом наполнил судьбу нашу в
мире

Нас, как другие народы, вели
К воле великие Ленин и Коба.
Создали счастье родимой земли
И угнетенье низвергнули оба.

Знаю: спустя даже тысячи лет
Зависть я буду рождать между всеми.
Скажут: счастливым родился поэт,
Если творил в это славное время.

Славные ты совершаешь дела,
К родине нас преисполнив любовью.

Картли—гнездовье большого орла;
Ты нам поведал об этом гнездовьи.

Здесь прозвучала чудесная быль—
Первое слово великого мужа...

Книгу рассвета открыл нам не ты ль,
Как драгоценность, ее обнаружа?

Будь долголетен! В грядущем, когда
Мы годовщину тридцатую справим,—
С тем же огнем, как в былые года,
Древним напевом тебя мы восславим

1937 г.

БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЬСКОЙ ГОРЕ

Памяти Бориса Дзиеладзе, орга-
низатора грузинского комсомола

Примчались с равнины с испугом во взорах
К горе Комсомольской два горных оленя.
А после охотник, спустившийся в город,
Рассказывал встречным о странном

виденьи:

„Нас семеро было. И все мы стреляли
Но — мимо... Лишь в сказках случается
это“

Приют от погони навек отыскали
Два горных оленя вверху, на горе той.

Вверху, на горе Комсомольской, олени,
Качая рогами, привстали неожиданно.
Впервые они отыскали спасенье
И жизни свободной простор постоянный,

Здесь ветер листву на деревьях полощет,
Приволье и нега, погони не слышно.
Внизу освещают прожекторы площадь
И брызги фонтанов расцвечены пышно.

Фонтаны касаются неба руками
И быстрые струи бросают в просторы,
Как в озере звезды, горит под ногами
Огнями расцвеченный сказочный город.

Когда опускаются сумерек тени
И слушает горные шопоты город, —

Тогда молодежь окружает оленей
И звонкие песни уносятся в горы.

И смотрят олени на город в долине,—
Он весь утопает в зеленом цветении,—
Потом по-оленьи с далекой вершины
Встревоженно третьего кличут оленя.

В саду городском в это время прохлада
И шелест зеленой листвы умолкает.
А юный Дзнеладзе стоит среди сада,
Из камня изваян, в листве утопает.

Тот третий олень,—он врагов не боялся,
Малейшего страха не ведал он сроду,
С отвагою в битву всегда устремлялся,
Подобно оленю, искал он свободу.

Врагам угрожая гибелью скорой,
Ковал он героев стальных поколенья.
И он завещал ту высокую гору,
Как символ свободы, двум горным оленям.

Эти камни их юность погибшую чтут.
Страсть такая ж горит в моем теле.

Наши предки — герои прославленных дней,
И других мы вовеки не знали,
И железные мускулы древних мужей
На руках еще наших остались.

Мы, Тбилиси, тебя возвели до небес, —
Не ждало ль тебя синсе небо?
Вот ты мне повелел — я пою о тебе,
И найти мне прекраснее где бы?

От твоей ли укроюсь сегодня весны?
Все пути — твой весенний подарок.
О, как радостен цвет голубой вышины!
Как весенний огонь этот ярок!

Совладею ль с собой? Дума бродит моя!
Вот кизил уж огонь свой развесил.
И на лбу растреплю свои волосы я,
Буду в городе я. Буду весел!

1936 г.

ПЕСНЬ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

Шел ночью снег...

Зачем не заглянула ты ко мне,
Меня укутать и согреть во сне?
Я на рассвете встал, среди дорог
Искать любимый отпечаток ног.

На всем покров.

Белеют крыши маленьких домов,
Верийская дорога средь холмов.
Так только белоснежна и нежна
На сливах Имеретии весна.

Так снег цветет

В декабрьский день, когда уходит год,
Когда заря летит на небосвод,
Иль на аллеях бук и кипарис
Имеретинской сливой облеклись?

Стоят кусты.

Опять сады сегодня не пусты,
На них одеты белые холсты,
Иль войско из далеких лагерей
В палатках разместилось у дверей?

Вновь снег пошел...

Сады покрыты, дом и частокол.

Тбилиси чистой белизной расцвел.

Ведь правда, этот солнечный снежок,
Как день весенний, радостен, дружок!

Как радует меня

Зной лета, снег, и ночь, и проблеск дня,

И дождь, и ветер, что летит звеня.

Прекрасен мир — я счастлив за него,

Но ты, любовь, — прекраснее всего.

1936 г.

ВЕТЕР И ЧИНАРА

Чинара теплом наслаждалась в саду,

Но плащ грозовой был накинут апрелем.

И ветер напал на чинару в бреду,

Как юноша, страстным охваченный хмелем.

Сначала, не смея ей глянуть в лицо,

Бродил он вокруг, теребя ее платье,

И вдруг раскачал и потряс деревцо,

Как деву, схватив ее мигом в об'ятья.

И вздрогнул ее целомудренный ствол,
Сгибаем невиданной силой порыва,
И, пряча лицо молодое в подол,
От ветра чинара рванулась стыдливо.

Но ветер безумный чинару согнул...
Он смуглые руки крутил ей, ломая,
И слышался веток истерзанный гул,
И жалоба чужая в этом немая.

Такого насилья, об'ятий таких
Еще никогда не знавала чинара.
А ветер бесился и, с бедер тугих
Срывая одежду, бесчинствовал яро.

Следя за чинарой, я думал о том,
Что ей не по силам борьба грозовая,
И к небу она обращалась лицом,
Как дева, на помощь к себе призывая.

И в дом мой родной захотелось мне дверь
Чинаре открыть, одинокой и милой,
Но ветер, и мне угрожая теперь,
Захлопнул ее с небывалою силой.

И я, отвернувшись на миг от окна,
Подумал, что, лютой гонима судьбою,
Вконец обессилев и сдавшись, она
Стыда не снесет и покончит с собою.
Но кто же посмел бы тебя порицать,
Что рук на себя наложить не смогла ты?
Нежданно утих и замолкнул опять
За темной Мтацминдою ветер крылатый.
И ливень горячий пролился над ней,
Дождливую сеть опустило ненастье,
И крупные капли катились с ветвей,
Как слезы девической боли и счастья.

1934 г.

МОРЕ

Волнуется ширь непомерная,
ко мне простирая об'яття,
Волнуется, мечется, бесится
и бьется о берег в отваге...
Хочу встретить волны приветствием
и руку хочу им подать я,—

Ведь, глядя на море, не верится,
что это—лишь скопище влаги!

Увидел его на рассвете я,
когда, как созданье живое,
То на-ноги море вздымалось,
то снова ложилось на камни.
Как будто пыталась выпрыгнуть
на землю в бурливом прибое,
Просила пустить ее на берег
и жалобы слала волна мне.

Откуда те волны, и кто они?
Какая судьба им досталась?
Рыдать они где научились?
И станут ли вопли их реже?
Бегут, и бегут, и приблизились,
забыв на мгновенье усталость,
К Батуми, к Сухуми, к Абхазии
и дальнему Крыма побережью.

Кто скажет, где были, что видели,
терпели насилье какое?

Чьи слезы стекали к ним с берега,
кто стоном наполнил их душу?

Какую страну они прокляли?

Какою пленились странною?

Какую навеки покинули

они ненавистную сушу?

Кто знает, на что волны сетуют,
застенкам каким ужасались?

У врат чужеземных заметили

какого следы преступления?

Но только с такою поспешностью
к отчизне моей они мчались,

Как будто невмочь стало более
сносить им печаль и гоненье.

Кто ночи проводит на улице,
кого палачи истерзали,

Кого расстреляют тюремщики,
кто просто умрет на дороге...

Быть может, на скалах Испании
они мертвецов целовали

И в даль устремились лазурную
в глубокой тоске и тревоге.

Бежали они в иступлении,
жестокою скорбью гонимы,
Лицо навсегда отвратившие
от края насилия злого...
На берег Советской Аджарии,
на берег Советского Крыма
Несутся валы белопенные
и мечутся в поисках крова.

Волнуется ширь непомерная,
ко мне простирая об'ятья,
Волнуется, мечется, пенится
и бьется о берег в отваге...

Хочу встретить волны приветствием
и руку хочу им подать я,—
Ведь, глядя на море, не верится,
что это—лишь скопище влаги!

1937 г.

Мы неразлучны. Забудем тревоги.
Что же печалит тебя, генацвале?
Встретили люди меня на дороге,
Несколько строчек стихами назвали.

Может быть, это лишь состраданье,
В сердце мое закралось сомненье.
Мне безразлично, какое названье
Носит восторг мой, мое вдохновенье.

Пусть мои строки стихами назвали,
Если другого названия нету.
Лишь бы людей они вдохновляли,
Шли б как посланники сердца по свету.

Если ж стихи и погибнут—не страшно,
Пусть покрываются пеплом и пылью,
Пущу я в народ голубей домашних,
Им привяжу свои строки на крылья.

Все же скажу: я не пасынком века
Вырос, обрел и упорство и голос—

Я воспевал и любил человека,
Сердце лишь только за правду боролось.

Братство свой стяг надо мною простерло,
Жизнь расцвела, и умножилась сила.
Мне наша светлая родина в горло
Новую звонкую песню вложила.

Верю! Мне люди желают успеха,
Слышу кипенье заздравного тоста:
Пусть на дороге не встанет помеха,
Пусть он поет вдохновенно и просто!

Может, заглянет колхозник к соседу,
Скажет ему: „Посмотри-ка, приятель,
Молодость нашу, простор и победу,
Радость твою воспевает мечтатель“.

Будут они говорить о поэте
И о кипенье его неустанном,
Вечером, при электрическом свете,
Сидя вдвоем на ковре пестротканном.

Я появляюсь, и ребенок невинный
Будет глядеть на поэта с любовью.

Я и хозяин из кубков старинных
Выпьем два раза за наше здоровье.

Будет беседа душевная литься,
Голос соседа ворвется в беседу,
Ну, прочитай мне стихи Абашидзе—
Он воспевает колхозов победу.

1936 г.

ОДИШСКИЕ ПЛАНТАЦИИ

Бросил северо - запад на юго - восток
Нсоглядную диагональ,
И хребет, перешеек деля поперек,
Устремляется в дымную даль.

А в долину большая дорога, спеша,
Выползает змеей из-за гор.
Вот строенья стоят в башлыках камыша,
Вот Одиши и новый забор.

Целый месяц дожди над Одиши шумят,
В горных реках вздымается вал,

Но бегут облака, за отрядом отряд,
И тропический день заблистал.

Озаряется дол, улыбается лес,
От потопа земля спасена.
Стебель тыквы на крепкий плетень
перелез,
В огородах цветет бузина.

Похоронены годы нужды в Октябре,
Но в эпоху суровую ту
Загорелый крестьянин вставал на заре
И до ночи трудился в поту.

Что ни утро — будила нужда его: „Встань!“
И не смел отказаться никак.
На плечах его старая хонская ткань,
Лапти кожи свиной на ногах.

И как только мотыгу свою и быка
Он от сумрака мог отличать,
Воевал он с горбами оврагов, пока
Не терялся во мраке опять.

И считал он за милость удачи свои,
Но природа у нас озорна:
Надоело рожать ей один лишь маис
Да слепое потомство зерна.

Против норова туч и случайных удач
Беспощадной войною идя,
Загорелся мятеж, и кипуч, и горяч;
Ожидает он только вождя.

И с востока на запад, от буковых рощ
Ян-Цзы-Кьянга пришел невзначай,
Непреклонный, упорный, решительный
вождь
С чужестранною кличкою „Чай“.

Он в колхозы позвал полевых кустарей,
Что работали в поте лица,
И бежало тогда все, что было старей
И слабее детей пришлеца.

И его сыновья, и смелы, и просты,—
Настоящие большевики:
Перерыли весь край, и одели в холсты,
И обули тот край в чувяки.

Подрядили на ночь плакальщицу Маку,
В крик проголосившую эту ночь подряд.

Днем с'езжаться стали. Табором бродячим
Потянулись арбы родных со всех сторон,
И хоть он отсутствовал, заупокойным
плачем

Проводили Мике полным чином похорон.

Мать моя тогда, средь них явившись в
черном,

Села между плакальщиц и залилась
навзрыд.

Кучами толпились на дворе просторном,
Под чинарой стол был, как в посты,
накрыт.

Мама после этого проплакала неделю.
Тайным чем-то сердце жег ей этот плач.
В эту пору еще мы не осиротели,
Жив был наш отец, красавец и силач.

„Не гневи ты бога,—приказал он маме,—
Была — хватит. Сил нет слушать эту дичь.

Клича о беде за девятью горами,
Нам, смотри, чего на шею не накличь*.

Созвала нас мать, об'ятая тревогой,
Со всех ног слетелись мы к ней на
порог,
Восхвалив за все ниспосланное бога,
Помолилась, чтоб и дальше нас берег.

Ведали ль мы что о материнской пытке,
Маленькие, в те большие времена?
Даже наш волчок ореховый на нитке
Повторял, звеня: война, война, война.

Страх за нас с тех пор не мог уж их
оставить,
Приюта в углах родительских сердец,
„Дети подрастут, опять войну об'явят,
Заберут на фронт, а там прощай, конец!“

Брат, о как летит безжалостное время!
За мгновеньем миг и за порой пора.
Так давно ль мы были мальчиками теми?
Кажется, вчера или позавчера.

Но семнадцать лет, семнадцать без
из'ятия,

Мановеньем ока канули во тьму.

Думаешь, судьбы костлявые об'ятия
Отнялись и впредь не страшны никому?

Слушай: помнишь, как пред смертью
наш страдалец,

Поручив нас маме и о том скорбя,
Чтобы в жизни мы когда не затерялись,
Саван свой могильный выбрал для себя?

Помнишь, как потом мы бились, горемыки,
Пробиваясь к свету? А теперь взгляни:
Будущность в руках, избегнут жребий
Мике,

Да и о войне не слышно в наши дни.

Ах, но только ль фронт превратностями
скользок?

Тверже ли уклад в уюте и быту?

Мало ли и тут проспавших жизнь без
пользы

И из темноты ушедших в темноту?

Зрячими родясь, в потемки из потемок,
Сослепу ль не бродят даже и теперь?
По каким следам отыщет их потомок?
Но никто не плачет от таких потерь.

К нашей чести, нас к рядам их
не причислят.

Не за то боролись, не к тому придем.
Не пропали мы ни в переносном смысле,
Ни, как бедный Мике, в горьком и
прямом.

Веря и надеясь, смотрим вдаль недаром,
К полюсам ли держим, в мысли ли эснит,
Там тебя от льдов прохватывает жаром,
А меня тут солнце юга леденит.

В тот же путь, что ты, пускались и
другие.

Не герой ли Фритъоф Нансен? Но суда
Сплющивала в блин стесненных волн
стихия,

На себе вздымавших панцыри из льда.

Но на то ведь ты и сын страны бесстрашья,
По которой ходит ледаколов строй,
Чтобы быть во всем, как поколение наше,
Где почти что всякий — рядовой герой.

И теперь, заплыв на шпиль земли, у цели,
И глаза на брата сверху вниз скосив,
Подтверждаешь мне сквозь мрак и вой
метели,
Что совсем не так велик ее массив.

Но вперед, корабль, сквозь стоны
непогоды
В пенье льдов впасти совсем иной мотив;
Миновали нас превратности похода,
Но и не пропали, небо зря коптив.

1932 г.

ПЕСНЯ О ГЕРОЯХ

Имена героев чайными кустами
На колхидских вышиты полях,
Там, где светит яркими лучами
Наш закон, невиданный в веках.

На полях Кахетин янтарной
Лозами цветут их имена,—
Так своим героям благодарна,
Любит их и бережет страна!

Имена героев в долах карталинских—
В каждом цветке, в каждой борозде
Называет, как родных и близких,
Весь народ их всюду и везде.

Грузия! Твои поля и горы
Светом новых дней озарены,—
Создается на твоих просторах
Эпос героической страны.

О героях песни нет чудесней,
Горы, доли шлют им свой привет.
Грузия влилась счастливой песней
В Хартию великую побед!

1938 г.

СЕРГЕЙ КИРОВ

Я опять встречаю
Кирова живого,
Но над ним высокая
Кремлевская стена.

Вечность и бессмертье
В ней лежат сурово,
Драгоценным пеплом
Скреплена она.

Снова Киров с нами,
Полный жизни силой.
От руки он вражеской
Не рухнул в темноту.

Он ушел в бессмертье.
Не сошел в могилу.
Он стоит бессменно
На своем посту.

Он привез в столицу
Ветер Ленинграда,
И восторг, и молодость—
Он кипуч и юн.

Где проходит Киров,
Там сверкает радость.
Слушай, площадь Красная,
Говорит трибун.

Свежий ветер стяги
Надувает туго,
Мавзолея вижу я
Левое крыло.

Смотрит вождь с улыбкой
На большого друга,
От цветов на площади
Сделалось светло.

Вождь стоит безмолвно,
Словно в ожиданьи, —
Снова голос Кирова
Громко зазвучит.

Мы скорбим и горло
Сведено рыданьем.
Здесь, в стене кремлевской,
Наш Мироныч спит.

Я хочу увидеть
Кирова живого,
Но над ним высокая
Кремлевская стена.

Вечность и бессмертье
В ней лежат сурово.
Драгоценным пеплом
Скреплена она.

1937 г.

ИЗ ЦИКЛА „ДМАНИСИ“

1. ДМАНИССКИЕ КАМНИ

Без тебя никогда не приду я в Дманиси,
Там недуг одиночества между развалин,
Хорошо, как со мною и ты там на высях,
О, с тобой небосвод никогда не печален!

Вот Дманиси — сокровище он для народа:
Мудрость духа — всего почиталась тут
выше,

Не думая до самой полуночи
О возвращении к себе домой.

Уляжется и сумрак тихий скоро,
Опутавши колени этих гор,
И крепости костям дыханье разговора
Вновь оживит безлюдия простор.

Быть может и они о говорящих
Мечтают людях, ждут к себе гостей...
У этих стен, в безмолвни стоящих,
Спроси, как им пустынно без вестей.

На месте их, как с ними я несхожий—
Бежал бы прочь, не оставаясь нем,
Как, потрясая разрушенья кожей,
Я те места покинул бы совсем!

Я с криком поволок бы плечи, ноги,
И лес, и ягод грозди—все зараз—
И, отойдя, поклоном у дороги
Столетиям отвесил бы отказ.

1938 г.

ВЕСНА

Когда из Карталинии смущенно
Зима уходит, март крылом шумит,
Когда весна, взметнув свои знамена,
Цветами на полянах шелестит,
Когда апрельский день благоухает
И почки набухают среди ветвей,
Я Грузии родной вссну встречаю
И, как влюбленный, думаю о ней.
Заветною грузинскою мечтою
Была весна, как сказка давних лет.
В ней—наших дум стремленье вековое,
В ней—наших предков пламенный завет.
Людского разума маяк зовущий,
Весна цветет для веры и борьбы.
Шли с громкой песней о весне грядущей
И гибли здесь восставшие рабы.
Война сжигала хаты нежилые,
Слагали песнь о горечи обид
И беглецы, что плыли в Византию,
И каменщики за шлифовкой плит.
Весна всегда надеждою дышала,

Стоял апрель, небес сверкала ширь,
Закованных весна сопровождала
Красноотрядцев в снежную Сибирь.
Она в народе сохраняла пламя,
Была и пахарем и кузнецом.
Она встречалась грудью с палачами
И с крепостными башнями в былом.
Но вот гроза сверкнула, зашумела,
Герои встали, точно лес стальной,
И воля человека захотела,
Чтоб май был маем и весна весной.
Так вот он май,
Так вот весна,
Они звснят крылатыми ветвями,
Лаская взор весенними цветами,
И алое взметнулось к небу знамя.
Как не любить мне каждый дом весной,
Деревья, травы и цветы в апреле.
И встали, как живые, предо мной
Герои — Цулукидзе, Кецохвели.
Великий вождь, для славных дел
рожденный,
Мрак отогнавший от моей страны, —

Он Грузии, когда-то полоненной,
Дал новое дыхание весны.
Подняв над миром знамя идеалов,
Которых в мире благородней нет,
Он утвердил, как высшее начало,
Свободу человечества и свет.
Поля покрылись новыми цветами
И стало новым слово—человек.
Народов вождь—разжег он искры в пламя,
Что тлеи в поколениях целый век.
Как не любить весеннее цветенье,
Весны рождение в радостной стране.
Дыша апрелем, с трепетным волнением
Пою о наступающей весне.

1937 г.

СЛАВА ГЕРОЯМ

Много боролись! Всегда побеждали!
Их и теперь вспоминаю часами
В дни, когда тверд так, прям и кристален
Путь наш от полюса и до Хасана!

Ленину—слава!
Недавно как будто
С нами беседовал он, с молодежью;
Ленину—слава! Ведь в каждой минуте
Ленинской мысли огонь непреложен,—
С нами он! Жив он! И борется тоже!
Нашу счастливую юность лелея,
С нами, как прежде, ведет он беседы.
Он, отдыхая в тиши мавзолея,
Рад нашим радостям, нашим победам!
Ленину—слава!

Сердце не дрогнет пред вражеской тучей,
Мы закалялись в великом горниле.
Сталин, твой гений великий нас учит
Мужеству, доблести, храбрости, силе!

В песнях поэтов—огня водоемы
И небывалых еще вдохновений.
В битвах с врагом—источаем мы громы,
Встройке—растем мы ступень за ступенью.

Много боролись! Всегда побеждали!
Их и теперь вспоминаю часами
В дни, когда тверд так, прям и кристален
Путь наш от полюса и до Хасана!

1937 г.

НА УКРАИНЕ

Быстрокрылая, как птица,
Мчит легко меня машина.
Степь раскинулась широко,
Всюду солнца яркий свет.
Мой привет тебе сердечный,
Золотая Украина!
Добрым сверстникам и предкам,
Всем счастливым мой привет.

Слышу я деревьев шелест,—
Лес идет ко мне с приветом,—
Улыбаются кусты мне,
Все вокруг меня поет.
И не здесь ли я родился,
На земле резвился этой

И смотрю сейчас на детство
Позабывтое мое?

Вижу—степь лежит. Чинары
Раскрывают мне об'ятья.
Вижу я друзей, товарок
Ранней юности моей.

Выходите мне навстречу,
Выходите, кто там в хате?
Хватит в сердце слов привета
Для соседей и друзей.

Я пленен обильем красок,—
Разве можно наглядеться?
Разве взгляд упиться может
Этой степью без конца?
Знаю я—и степь раскрыла
Мне свое навстречу сердце,
И родных моих собратьев
Раскрываются сердца.

Я услышу все, чем живы
Дети этих нив широких,
Золотых полей услышу

Песню вольную сейчас,
А потом о днях прошедших,
О тяжелых и далеких,
Мне поведает бессмертный
Мой родной кобзарь Тарас.

Мой привет тебе сердечный,
Золотая Украина!
Добрым сверстникам и предкам,
Всем счастливым мой привет!
Быстрокрылая, как птица,
Мчит легко меня машина.
Степь раскинулась широко,
Всюду солнца яркий свет.

СМЕРТЬ ЦУЛУКИДЗЕ

Похороны тов. Цулукидзе, на которых присутствовало, по рассказу очевидцев, свыше 10.000 человек, превратились в грандиозную политическую демонстрацию прогн самодержавия.

Л. БЕРИЯ

Словно измучены
долгой тоской и слезами

Оцепенели

от жгучего зноя поляны;

Сложены листья

склоненными ниц тополями,

Низко главу

опустили седые платаны.

Полдня печальной

еще не бывало на свете,

Грустной земли

даже ветер коснуться страшится,

И по излучинам

пыльных дорог Имеретьи

Шествует, молча,

усопший герой — Цулукидзе.

Братья, свершилось!

В чьем сердце жила от рожденья

Жажда возмездья,

кто видел свой долг в созиданьи, —

Тот знаменосец

плывет над толпой, как виденье...

Братья, свершилось!

Исполнились сроки восстанья!

Это была его радость,
и, натиск утроив,
Ею горел он,
мятежным порывом об'ятый,
Но изнемог
неизменный товарищ героев,
Смолкнул навеки
отважный боец и глашатай.

Был он единым
из трех¹, пробудивших в народе
Яркую веру,
мечей закаливших железо!
Братья, свершилось!
Ведет он восставших к свободе,
И над бойцом
вдохновенно гремит марсельеза.

В рощах зеленых,
вдоль пыльных дорог Имеретьи,

¹Автор имеет ввиду самого товарища Сталина и его соратников — тов. Лазо Кецидзе и тов. Сашу Цулукидзе.

Соляде меж сучьев,
листву зажигая, таится,
И поселяне
молчат, неутешны как дети,
Ибо навеки
погасли глаза Цулукидзе.

Так Имеретией
дуб величавый с нагорья
Волны Риона
несут от верховья к низовью,
Но замедляют
стремительный бег свой у моря
И бесконечности
ношу вручают с любовью.

Пусть были долги
страданья и муки на ложе,
Пусть эти веки
закрыты недугом суровым, —
На измененье
такая кончина похожа
И для героя
была воплощением новым!

Павших бойцов
одаряет судьба возрождением
Уничтоженьем —
лишь трусов карает природа.
Слава героя
вовсеки не тронется тленьем
И возродится
в заветных сказаньях народа.

Разве закат
именуется смертью светила?
Солнце всходило
и землю опять согревало.
Вьюга когда-нибудь
землю навек заносила?
Март возвращался,
и снова весна ликовала!

Пусть это сердце,
страдавшее много, не бьется,
Пусть неподвижен
бесстрашный герой Цулукидзе, —

Доля осталась
 непрожитых дней полководца,
И суждено ему
 снова к друзьям возвратиться!

Толпы в безмолвии
 движутся... Столь бездыханна
Ты, Имеретия,
 зимними лишь месяцами.
Но загремела
 рабочая песня нежданно,
К небу взметнулось
 пылающей истины знамя.

В горне ль ковались
 той песни железные звенья?
Буря ль внесла
 в нее гулкие отзвуки моря?
Чей пламенеет
 огонь в ней и чье вдохновенье?
Кто в ней прославлен
 и чье в ней оплакано горе?

Кто эту песню сложил?
Полунищий амкар ли,¹
Сельский ли житель
излил в ней сердечные муки?
Иль создала эту песню
печальная Картли?
Кто Имсретии
встарь подарил эти звуки?

Все, что рыдало
в сердцах их сестер и боролось,
Слили мужчины
в звучание мощного хора.
Слушайте, женщины!
Разве не ваш это голос,
Этот призыв,
эта буря морского простора?

Толпы несметные —
тропы и путь затопили,
Песня несется,
исполнена грозной отваги,

¹) Ремесленник, цеховой мастер.

Крутятся в небе
воронки взметаемой пыли,
В воздухе веют
пурпурные, гордые стяги.

Кто устремил
в поднебесье червонные копьяз?
Кто озарил его
полымем грозным, багряным?
Стяги — кровавы,
и в песнях — не просьба холопья,
В песнях — угроза царю,
богачам и дворянам!

Алое знамя —
лоскут от рубахи героя,
Что на древко
по его же завету набили.
Даже родным
не пришлось прикоснуться рукою
К бедной могиле,
затерянной в пущах Сибири!

Как в облаках
разгораются звезды и блещут, —
В знак героической
самоотверженной клятвы
Над Имеретией
красные крылья трепещут —
Вестники битвы
и будущей радостной жатвы.

Вместе сливаются
волн океанских громады, —
Также сердца
и стремленья сливаются вместе.
Как ураган
сокрушает любые преграды,
Так ветеран
пред толпою взывает о мести.

Клич свой кидает
грядущему он поколенью,
Напоминая
о вещих словах Цулукидзе.

Гневный бакинец
 собратьев зовет к возмущенью,
Ярость и горечь
 звучат в восклицаньях колхидца.

Зов ереванца
 несется от края до края,
В сердце народа
 вонзаясь стрелой раскаленной:
— Жертвою пал ты,
 но нам послужил, умирая,
Славною смертью
 к борьбе приобщив миллионы!

Так Цулукидзе,
 боец и герой бескорыстный,
По Имеретии
 шествует, молча, на отдых.
Три лишь аршина
 даны ему будут отчизной,
Славен же будет
 во всех он краях и народах.

Новые толпы —
 как в русло Риона притоки,
И у дороги
 все больше пустеют лачуги,
Словно терпенью
 отныне исполнились сроки,
Словно восстанье
 уже разлилось по округе.

В землю вонзайте
 мотыгу и заступ, крестьяне.
Остановите,
 крестьянки, свои веретена!
Цепи разбиты,
 конец нищете и стенанью,
На угнетателей
 ныне восстал угнетенный!

Все на дорогу!
 От топота тысяч не даром
У богача
 задрожали устои балкона.

Все на дорогу!

Проклятье жандармам и барам!
Остановите,
крестьянки, свои веретена!

Вот на дороге,

бежавший из царской казармы,
Смелый солдат
поздравляет товарищей с новью
И за свободу,
за будущий строй светозарный,
Братьям клянется
пожертвовать собственной кровью.

Черное облако

встало над полем неожиданно
знаком печали —
развернутым траурным флагом.
Молния ярко
блеснула сквозь полог тумана
И рассекла его
на-двое острым зигзагом.

Гром над землей
 загремел в нарастающем гневе,
Грянул раскатами,
 то отдаленный, то близкий;
Затрепетали
 в бессильном испуге деревья,
Ветер поднялся,
 неистовый ветер колхидский...

Время придет,
 и народ, нищете обреченный,
Вновь улыбнется,
 как все угнетенные в мире!..
Перед толпою,
 как меч из ножен извлеченный,
Встал Джугашвили,
 изведавший стужу Сибири.

Смолкла толпа,
 как на гладкую изменность вышла,
Словно Рион,
 выходящий в долину впервые.

Говор утих,
и в немой тишине стало слышно,
Как застучали
о камень струи дождевые.

Рощи зеленые
стали невидимы взглядам,
Ливня потоки
окрестность от взора закрыли.
Над Имеретией
молнии блещут, и рядом,
Вторя грозе,
над толпою гремит Джугашвили.

Словно разгневались
гений с природою, оба,
На произвол,
утомясь от терпенья и жалоб!
Ветер, играя
кудрями отважного Коба,
К небу взметнул их
и вновь опустил ему на лоб.

Коба печально
взирает на лик Цулукидзе,
К другу — любви,
а к врагом его — полный угрозы.
По волосам его
дождь несумолчный струится,
И по щекам его
катятся капли, как слезы.

Это гроза иль
стенанья крестьянки мегрельской?
Что раз'ярить
это серое небо могло бы?
Весь горизонт
озаряется молнией резкой.
Блещут товарищам
взоры бесстрашного Коба.

В небе нахмуренном
мечутся все непрерывней,
Все искрометней
зигзаги слепительных молний.

Словно в прибое —
в потоках весеннего ливня
Речи учителя
внсмлет народ все безмолвней.

— Волей тебе мы
клянемся, борец с палачами, —
Сотни героев
мы вышлем на смену герою,
И на руках
у гонимых за правду врагами
Цепь разобьем
беспощадной и властной рукою!

Пусть палачи
проливают кровавые реки!
Не умирают
дела полководцев и зодчих!
Есть в мире люди,
чье слово и мысли вовеки
Будут бессмертны
в сердцах победивших рабочих.

Умерли многие,
 преданы смерти и тленью,
Но, как бывало,
 их слово народ пробуждает,
И за могилою
 их величавые тени
Громко вещают нам:
 — Социализм побеждает!

Слава их теням!
 Землесю отважные скрыты,
Терном увиты,
 злодейски убиты врагами,
Но из гробов,
 подымая могильные плиты,
К братьям взывают:
 — Мужайтесь! Победа за нами!

Слава речам их,
 чей отзвук доньше не замер!
Гром их доносится,
 силы былой не утратив;

Хриплый их голос
несется, как клятва, из камер
И, как в минувшем,
на битву скликает собратьев.

Слава их кличу,
с врагом призывавшему биться!
Не умирают
дела полководцев и зодчих.

Слава тебе,
наш товарищ и друг — Цулукидзе,
Вечно живущий
в сердцах благодарных рабочих!

Коба печально
взирает на лик Цулукидзе,
К другу — любви,
а к врагам его — полный угрозы.
По волосам его
дождь неумолчно струится,
И по щекам его
катятся капли, как слезы;

И перед взором его
на мгновение мелькнули
Дальний Метех
и глухой каземат Кецховели...
Пал и Ладо,
пораженный предательской пулей...
Был он единым
из трех, неразлучных доселе! ●

Пали два дуба,
бойцы неизменные оба,
Неколебимы,
гонимы врагом в иступленьи...
Ленин — на севере...
И перед взорами Коба
Ясно мелькнуло
лицо Ильича в отдаленьи.

Вновь обратившись
к народу с торжественным зовом,
Стал перед ним
и вперед он направился смело.

Снова знамена
на небе зажглись бирюзовом,
Песня победы
над миром опять загремела.

Ливнем размыты нагорья...
К рионскому устью
С кряжа чинару
несут раз'яренные воды...
Только сажень
отвдет ему родина с грустью,
Но покорит он
все страны, моря и народы!

Как из Колхиды
к лазурному морю стремится
Срубленный дуб,
величаво плывущий Рионом,
Так воротился
в отчизну свою Цулукидзе,
И бесконечность
встречает героя поклоном.

ВОСПОМИНАНИЕ В ПОСЛЕСЛОВИИ

Перед закатом, когда обагрjali
Землю колхидскую блики светила,
Два кипариса, как девы, сверкали
Над незабвенной твоею могилой.

Вскормлены небом и тучной землею,
Оба беспечно дремали у края,
К диску багровому в сонном покое
Длинные руки свои простирая.

Грустно внимал я, тоскою томимый,
Шуму зеленых ветвей над собою,
И дуновение тени незримой
Чудилось мне в этот миг за спиною.

В сумерках прятался отблеск закатный,
Холм покрывался росой неизменной
И вспоминался мне дождь благодатный,
Лившийся с неба в тот день незабвенный.

Словно гроза с еще большею силой
Шла на врагов твоих, тучей одета...

Так проводили часы над могилой
Два кипариса и юность поэта.

Ныне включил твое славное имя
Сталин в великое наше наследство.
Мне же хотелось стихами своими
Вызвать твой образ, знакомый мне с
детства.

Х—ХІ—1939 г. Тбилиси.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтом Родичи.—Перевод Н. Чхойдзе . . .	3
Слава Родины—наша слава.—Перевод В. Звягнцовой	5
Баллада о раненом грузине.—Перевод Р. Ивчова	7
Клятва Родиче —Перевод Б. Серебрякова	10
Партизаны —Перевод Б. Серебрякова . .	11
Дети. Перевод М. Алигер	13
Александр Кoresелдзе.—Перевод Б. Серебрякова	13
Перед яствлением.—Перевод А. Канчели	16
Капитан Бухидзе.—Перевод В. Звягнцовой	18
Ты еще жив!—Перевод Н. Чхойдзе . . .	19
Бойцам Грузии.—Перевод М. Замаховской	21
Героим Севастополя.—Перевод Б. Серебрякова	22
Слава бойцам, вышедшим на границу.—Перевод Б. Серебрякова	23
Вождь на Мтацминде —Перевод Е. Долматовского	25

Портрет Руставели в Колонном зале Дома союзов.—Перевод Б. Серебрякова .	27
Л. П. Берия (к двадцатилетию Октября). — Перевод Б. Брика	29
Баллада о Комсомольской горе.—Перевод Б. Серебрякова	31
К Тбилиси —Перевод К. Липскерова . .	34
Песнь о первом снеге.—Перевод Е. Долма- товского	37
Ветер и чинара. —Перевод Б. Брика . . .	38
Море.—Перевод Б. Брика	40
Мы неразлучны.—Перевод Е. Долма- товского	44
Одишские плантации.—Перевод Б. Брика .	45
Баллада спасения.—Перевод Б. Пастернака	50
Песня о горохе.—Перевод Б. Серебря- кова	55
Сергей Киров — Перевод Е. Долматов- ского	57
Из цикла „Дманиси“: 1. Дманисские камни; 2. Отказ столетиям.—Перевод И. Нови- кова	59
Весна.—Перевод Р. Иванова	63
Слава героям —Перевод Б. Серебрякова	65
На Украине.—Перевод Б. Серебрякова	67
Смерть Цулукидзе.—Перевод Б. Брика . .	69